

А.Б. Кузембаева*, Н.Т. Узакбаев

Университет Нархоз, Алматы, Казахстан

*e-mail: assiya.kuzembayeva@narhoz.kz

МЯГКАЯ СИЛА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ПОСЛЕ 2022 ГОДА: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ

В статье анализируется трансформация политики Европейского союза в Центральной Азии после 2022 года через призму трёх ключевых переменных: экономической, санкционно-регулятивной и культурно-образовательной. На основе сравнительного анализа стратегических документов ЕС (2019–2025 гг.) и медиадискурса ведущих региональных изданий выявлено смещение приоритетов в сторону развития транспортной инфраструктуры, энергетической диверсификации, доступа к критически важным ресурсам и институционализации санкционного контроля. Культурно-образовательные инициативы укрепляют позитивное восприятие ЕС, но их эффект ограничен: они не конвертируются в устойчивую политическую лояльность и остаются уязвимыми к конкуренции со стороны России и Китая. В итоге политика ЕС формируется в логике сочетания прагматических стимулов и ограниченной мягкой силы. Экономическое и санкционно-регулятивное измерения определяют краткосрочные результаты, тогда как мягкая сила действует как накопительный ресурс с долгосрочным эффектом. Показано, что именно баланс между этими направлениями задаёт как возможности, так и пределы европейского влияния в регионе. Эффективность будущей стратегии будет зависеть от способности ЕС сбалансировать контрольные механизмы с расширением образовательных и гуманитарных программ, превращая их в устойчивый фактор политического присутствия в Центральной Азии.

Ключевые слова: Европейский союз, Центральная Азия, «мягкая сила», санкционная политика, транспортные коридоры, энергетическая диверсификация, культурное и образовательное сотрудничество, медиадискурс.

A.B. Kuzembayeva*, N.T. Uzakbayev

Narxoz University, Almaty, Kazakhstan

*e-mail: assiya.kuzembayeva@narhoz.kz

The EU's Soft Power in Central Asia after 2022: Possibilities and Limits

The article examines the transformation of European Union policy in Central Asia after 2022 through the prism of three key variables: economic, sanctions-regulatory, and cultural-educational. A comparative analysis of EU strategic documents (2019–2025) and the media discourse of leading regional publications reveals a shift in priorities toward transport infrastructure development, energy diversification, access to critical resources, and the institutionalization of sanctions control. Cultural and educational initiatives enhance the EU's positive image, yet their impact remains limited: they do not translate into sustainable political loyalty and are constrained by competition from Russia and China. Consequently, EU policy combines pragmatic incentives with limited soft power. The economic and sanctions-regulatory dimensions generate short-term outcomes, while soft power functions as a cumulative resource with long-term effects. The balance between these domains ultimately defines both the opportunities and the limits of European influence in the region. The effectiveness of future strategy will depend on the EU's capacity to align control mechanisms with the expansion of educational and humanitarian programs, thereby transforming them into a sustainable factor of political presence in Central Asia.

Keywords: European Union, Central Asia, “soft power”, sanctions policy, transport corridors, energy diversification, cultural and educational cooperation, media discourse.

А.Б. Күзембаева*, Н.Т. Ұзақбаев

Нархоз университеті, Алматы, Қазақстан

*e-mail: assiya.kuzembayeva@narхоз.kz

2022 жылдан кейінгі ЕО-ның Орталық Азиядағы жұмсақ күші: мүмкіндіктері мен шектеулері

Мақалада 2022 жылдан кейін Орталық Азиядағы Еуропалық Одақтың саясатының трансформациясы экономика, санкциялар және білім және мәдениет сияқты үш негізгі айнымалылар тұрғысынан талданады. ЕО стратегиялық құжаттарын (2019-2025 ж.ж.) және жетекші аймақтық БАҚ басылымдарының дискурсына салыстырмалы талдау жасаудың негізінде басты басымдық көлік инфрақұрылымын дамытуға, энергияны әртараптандыруға, маңызды ресурстарға қол жеткізуге және санкциялық бақылауды күшейтуге берілгендігі анықталды. ЕО-ның білім беру және мәдениет бастамалары оның жағымды беделін нығайтқанымен, олардың ықпалы шектеулі, атап айтқанда, біріншіден, ол тұрақты саяси адалдыққа айналмауда және екінші жағынан Ресей және Қытай сияқты акторлармен бәсекелесе алмайды. Осылайша, ЕО саясаты прагматикалық ынталандыру мен шектеулі жұмсақ күштің үйлесімі ретінде қалыптасты. Экономикалық және санкциялық-реттеу өлшемдері қысқа мерзімді нәтижелер береді, ал жұмсақ күш ұзақ мерзімді әсері бар жинақтаушы ресурс айқындалуда. Аталған бағыттар арасындағы теңгерім аймақтағы Еуропалық ығпалдың мүмкіндіктері мен шектеулерін көрсетеді. Болашақ стратегияның тиімділігі бақылау тетіктерін білім беру және мәдениет бағдарламаларын кеңейте отырып, теңдестірумен байланысты болмақ және бұл оның Орталық Азиядағы тұрақты саяси акторға айналуына себептеседі.

Түйін сөздер: Еуропалық Одақ, Орталық Азия, «жұмсақ күш», санкциялық саясат, көлік дәліздері, энергияны әртараптандыру, мәдени және білім саласындағы ынтымақтастық, медиадискурс.

Введение

После 2022 года война на Украине и переориентация евразийских торгово-логистических маршрутов существенно изменили баланс интересов внешних игроков в Центральной Азии. Регион приобрел новое значение для Европейского союза (ЕС), который стремится укрепить свое присутствие посредством развития Среднего коридора, поддержки проектов в области зеленой энергетики и расширения образовательных инициатив. При этом культурно-нормативное измерение европейской «мягкой силы» сохраняет ограниченное влияние, что обусловлено как конкуренцией со стороны России и Китая, так и спецификой регионального восприятия ценностной повестки ЕС.

Таким образом, складывается двойственная ситуация. С одной стороны, ЕС наращивает экономические инвестиции и предлагает странам региона проекты, направленные на устойчивое развитие и интеграцию в глобальные цепочки поставок. С другой стороны, классические каналы «мягкой силы» – культурная дипломатия, образовательные программы, продвижение прав человека и верховенства права – остаются фрагментированными и не генерируют сопоставимого политического эффекта.

После 2022 года в европейской политике безопасность обрела новое содержание: санкционный трек институционализируется и связывается с повесткой региональной безопасности. В результате образ ЕС в Центральной Азии формируется как уравнение с несколькими переменными: экономический инвестор и донор модернизации, регулятор санкционного режима, но лишь в ограниченной степени источник нормативного влияния.

Основная гипотеза заключается в том, что после 2022 года политика ЕС в Центральной Азии развивается через взаимодействие трёх переменных: экономической (торговля и инфраструктура), регуляторной (санкционная политика) и культурно-образовательной (мягкая сила). При этом первые две играют решающую роль, тогда как третья остаётся ограниченной по своему влиянию.

Методы и методология

В основе исследования лежит качественный подход, сочетающий контент- и дискурс-анализ. Этот выбор обусловлен тем, что цель работы заключается не подсчете количественных показателей, а в реконструкции смыслов, образов и приоритетов, которые формируют стратегиче-

скую и медийную репрезентацию Европейского Союза в Центральной Азии.

Во-первых, проведен контент-анализ ключевых стратегических документов ЕС – Стратегии по Центральной Азии 2019 года, инициативы «Глобальный шлюз», Дорожной карты 2023 года и материалов Самаркандского саммита 2025 года. Этот анализ позволил проследить эволюцию приоритетов ЕС и выявить смещение акцентов от нормативной риторики к экономическим, инфраструктурным и регуляторным задачам. Результаты представлены в виде таблиц и графической визуализации. Во-вторых, был проведен дискурс-анализ материалов ведущих центральноазиатских СМИ за 2022–2025 годы (Tengrinews.kz, 24.kg, Kun.uz, Asia-Plus.tj). Публикации классифицированы по тематическим фреймам (экономика, энергетика, транспорт, верховенство права, санкции, образование и т.д.), что позволило реконструировать медийный образ ЕС и выявить различия в национальных контекстах. Такое сочетание методов обеспечивает комплексное понимание как потенциала, так и ограничений «мягкой силы» ЕС в Центральной Азии в период после 2022 года.

Литературный обзор

Исследования «мягкой силы» ЕС традиционно концентрируются на его особом статусе как нормативного актора, способного продвигать демократию, верховенство закона и права человека за пределами сборственных границ (Manners, 2002). Введение концепции «принципиального прагматизма» в 2016 году (European External Action Service, 2016) придало институционализировало напряженность между ценностным дискурсом ЕС и его прагматичной внешнеполитической практикой. Если первая концепция подчёркивает нормативный характер внешнеполитической стратегии ЕС, то вторая акцентирует необходимость сочетания ценностей с гибкостью и прагматическим расчётом. В результате ЕС предстает как актор, чья международная идентичность характеризуется противоречиями и амбивалентностью (Spaiser, 2018); при этом в ряде исследований подчеркивается, что неопределенность его принципов может рассматриваться не только как проявление слабости, но как фактор, позволяющий ЕС адаптироваться к кризисам и оказывать преобразующее влияние на своих партнеров (Ahrens, 2018).

В исследованиях регион нередко описывается как «Дальнее соседство», то есть перифе-

рийное направление европейской политики с ограниченной степенью вовлечённости Брюсселя. В таких условиях мягкая сила значение ресурса привлекательности и приобретает характер защитного инструмента: Центральная Азия оказывается не объектом притяжения, а пространством, где ЕС стремится предотвратить распространение нестабильности к собственным границам (Ahrens, 2018). Несмотря на то, что ЕС является крупнейшим донором развития и активно реализует проекты в сферах образования, экологии и инфраструктуры, его мягкая сила в регионе остаётся ограниченной в сравнении с Россией и Китаем (Heathershaw, Owen, & Cooley, 2019). В исследованиях подчеркивается, что региональные элиты воспринимают ЕС преимущественно как источник технической и финансовой поддержки, а не как ориентир для политической или ценностной трансформации (Peugrouse, 2014).

Казахстанские исследования подчёркивают, что восприятие ЕС среди молодёжи региона во многом опосредовано символическими образами. В опросах ЕС предстаёт, прежде всего, как метафора экономического благополучия и стабильности, в то время как реальные инициативы Брюсселя остаются на периферии общественного сознания (Агупов, 2022). Другие исследования приходят к схожему выводу: образовательные и культурные программы ЕС (такие как Erasmus+ и Horizon Europe) способствуют формированию позитивного отношения к Союзу, но не обеспечивают глубокой идентификации с европейскими ценностями и не формируют устойчивую политическую лояльность (Чеботарёв & Губайдуллина, 2013). Дополнительным барьером выступает социальный консерватизм стран региона и настороженное отношение элит к «европейской ценностной повестке», что снижает потенциал мягкой силы (Laruelle & McGlinchey, 2017).

После 2022 года исследователи фиксируют качественный сдвиг в региональном контексте, вызванный конфликтом России с Украиной и усилением присутствия Китая. Эти события повысили стратегическую значимость Центральной Азии и открыли для ЕС «окно возможностей» для расширения влияния ЕС (Matveeva, 2023). Стратегия ЕС для Центральной Азии, принятая ещё в 2019 году, изначально была ориентирована на «принципиальный прагматизм», устойчивое развитие и цифровизацию (European Commission & High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy, 2019). Однако именно после 2022 года в брюссельском дискур-

се на первый план вышли вопросы энергетической диверсификации, развития транспортных коридоров (в частности, Среднего коридора) и доступа к критически важным минеральным ресурсам (European Parliamentary Research Service, 2024).

Таким образом, современная литература демонстрирует двойственность мягкой силы ЕС в Центральной Азии. С одной стороны, Союз воспринимается как донор и культурный интегратор, предлагающий образовательные и социальные возможности. С другой стороны, нормативная риторика и ограниченность практических ресурсов вызывают скепсис среди региональных элит. События после 2022 года действительно открыли новые возможности для укрепления позиций ЕС, но пределы его мягкой силы остаются значительными и зависят от того, сможет ли Брюссель сформулировать более последовательную, прагматичную и ресурсно подкрепленную стратегию.

Эволюция стратегии ЕС в Центральной Азии (2019–2025)

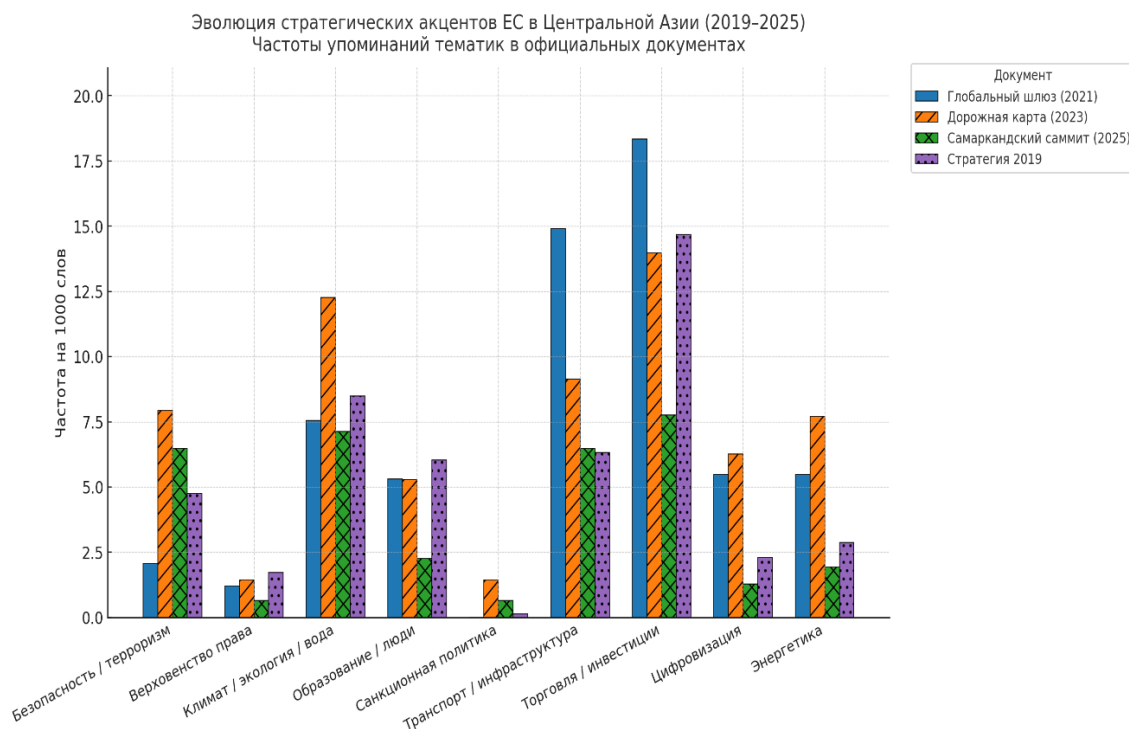
Анализ официальных документов ЕС, начиная со Стратегии 2019 года и вплоть до Самаркандского саммита 2025 года (Council of the European Union, 2025), позволяет проследить

трансформацию внешнеполитических приоритетов Союза в отношении Центральной Азии. Если до 2022 года европейский подход строился на поиске равновесия между ценностями и интересами, то после начала конфликта на Украине произошёл заметный сдвиг: политика ЕС стала более прагматичной и ориентированной на достижение конкретных стратегических целей. Приоритеты Брюсселя определяются уже не столько продвижением общечеловеческих ценностей, сколько необходимостью реагировать на внешние вызовы – обход санкций, рост влияния Китая и новые риски региональной безопасности. В этих условиях Центральная Азия стала рассматриваться как ключевое пространство для обеспечения энергетической диверсификации, развития транспортных коридоров и укрепления политической стабильности. Именно эта эволюция отражена в распределении тематических приоритетов, зафиксированных в стратегии ЕС и последующих официальных инициативах. Ниже представлена таблица с частотным распределением ключевых направлений (на основе анализа текстов Стратегии 2019 года, Глобального шлюза, Дорожной карты 2023 года и Самаркандского саммита 2025 года), а также графическая визуализация, наглядно демонстрирующая динамику смещения акцентов:

Таблица 1 – Частота упоминаний ключевых направлений в официальных документах ЕС (2019–2025)

Направление	Динамика частотности (2019 → 2025)	Интерпретация
Безопасность	Умеренный рост	Укрепление акцента на региональной стабильности, пограничных вопросах и косвенно – на санкционной повестке в связи с войной в Украине.
Санкционная политика	Новое направление после 2022 г.	ЕС всё отчётливее позиционирует себя как «санкционный надзорщик», отслеживающий обход ограничений против России; встраивается в более широкий дискурс безопасности.
Верховенство права	Низкий и стабильный уровень	Нормативная повестка сохраняется, однако уступает место стратегическим интересам ЕС.
Климат / экология / вода	Резкий рост	«Зелёный переход» и устойчивое развитие становятся центральными направлениями сотрудничества.
Образование и обмены	Умеренный рост	Erasmus+ и культурные программы укрепляют позитивный образ ЕС среди молодёжи, но не формируют глубокой политической лояльности.
Транспорт и инфраструктура	Постепенный рост	Развитие «Среднего коридора» и другие проекты «Глобального шлюза» усиливают связность Европы и Азии.
Торговля и инвестиции	Значительный рост	ЕС стремится закрепить себя как экономический партнёр и альтернатива китайской инициативе «Один пояс – один путь».
Цифровизация	Стабильный рост	«Глобальный шлюз» и цифровые проекты формируют имидж ЕС как донора технологий и инноваций.
Энергетика	Рост после 2021 г.	Сместился фокус на возобновляемые источники, критические сырьевые материалы и энергетическую диверсификацию.

Источник: составлено авторами на основе анализа документов ЕС

Источник: составлено авторами на основе анализа документов ЕС

Рисунок 1 – Эволюция стратегических акцентов ЕС в Центральной Азии (2019–2025 гг.)

Динамика приоритетов ЕС демонстрирует переход от классического понимания безопасности к её взаимосвязи с санкционной политикой. Если в Стратегии 2019 года основной акцент делался на стабильности и контроле границ, то после 2022 года безопасность всё больше связывается с задачей предотвращения обхода санкций против России, что институционализирует санкционный контроль как часть региональной повестки (см. Рисунок 1). ЕС все больше позиционируется себя не только как донор, но и как регулятор, для которого Центральная Азия становится ключевым звеном санкционного режима и региональной стабильности.

Образовательные и гуманитарные измерения мягкой силы ЕС

Контент-анализ официальных документов Европейского союза за 2019–2025 гг. показывает, что образовательное и гуманитарное сотрудничество остаётся одним из наиболее устойчивых направлений его политики в Центральной Азии и демонстрирует умеренный рост по сравнению с предыдущим периодом. Если в Стратегии ЕС 2019 года эти сферы определялись прежде всего, как инструменты «сближения обществ» и

развития академической мобильности, то в последующие годы они закрепили своё место как устойчивый элемент повестки. При этом образовательные и культурные программы – Erasmus+, Horizon Europe и проекты в гуманитарной сфере – продолжают укреплять позитивный образ ЕС среди молодёжи, хотя и не приводят к формированию глубокой политической лояльности. В отечественных исследованиях подчёркивается, что именно образование и культурные обмены выступают ключевыми каналами формирования позитивного имиджа и укрепления «мягкой силы» ЕС в регионе (Агупов, 2022). Молодёжь при этом традиционно рассматривается Брюсселем как стратегическая целевая аудитория, через которую Союз стремится закрепить долгосрочные позиции.

Казахстан занимает центральное место в образовательной политике ЕС. В рамках Erasmus+ на период 2021–2027 гг. для Центральной Азии выделено €76 млн, значительная часть которых направляется казахстанским университетам (European External Action Service, 2025). В предыдущий период было предоставлено более 3 300 краткосрочных грантов для студентов и преподавателей из Казахстана и свыше 1 500

грантов для европейских студентов на обучение в Казахстане. С 2014 г. 328 казахстанцев стали обладателями стипендий Erasmus для совместных магистерских программ (European External Action Service, 2025).

Президент Касым-Жомарт Токаев особо отметил значимость сотрудничества с ЕС в сфере образования, подчеркнув вклад Erasmus+, Horizon Europe и других программ. По его словам, в Казахстане открыто более 30 филиалов международных университетов, что способствует созданию конкурентоспособной академической среды. Он предложил разработать специализированную программу «Erasmus+ для Центральной Азии», сосредоточенную на таких направлениях как искусственный интеллект, управление водными ресурсами и биотехнологии (Акорда, 2025).

С 2015 года 98 университетов Узбекистана стали участниками программы Erasmus+. За это время было реализовано 63 проекта по развитию потенциала высших учебных заведений: 43 из них завершены, а 20 находятся в стадии выполнения. Более 3 000 студентов и преподавателей приняли участие в программах академической мобильности, причём в 2021–2024 гг. на Узбекистан пришлось 39 % всех обменов в Центральной Азии. В рамках Erasmus Mundus 127 студентов получили стипендии для обучения на магистерских программах в университетах Европы. Кроме того, в стране реализовано 17 проектов Jean Monnet (Erasmus Uzbekistan, 2025).

ЕС поддерживает и школьное образование: в 2024 году Кыргызстан получил €7 млн в рамках программы ЕС на €27 млн (2023–2026) (Economist.kg, 2024). Средства направлены на повышение качества и доступности обучения, развитие STEM, цифровых и «зелёных» навыков. Программа реализуется совместно с Минобразования для подготовки школьников к жизни в современной экономике и демократическом обществе.

Особое внимание ЕС уделяет Таджикистану, где образование традиционно рассматривается как ключ к долгосрочной устойчивости. В период 2013–2027 гг. на реформирование национальной системы образования направлено около €95 млн, из которых €73 млн предусмотрено в рамках программы Erasmus+ на 2021–2027 г. (Asia-Plus, 2024). Эти средства призваны модернизировать учебные программы, укрепить связи вузов с европейскими партнёрами и повысить

качество подготовки специалистов. Дополнительно реализуются инициативы, адресованные молодёжи и гражданскому обществу: программа DARYA (€10 млн) нацелена на поддержку занятости молодых людей, а Региональный фонд (€4,5 млн, 2024 г.) способствует развитию гражданского участия (Asia-Plus, 2024). Такое сочетание образовательных и социальных проектов демонстрирует стратегию ЕС, направленную на формирование устойчивой базы человеческого капитала в Таджикистане как важнейшего ресурса мягкой силы Союза.

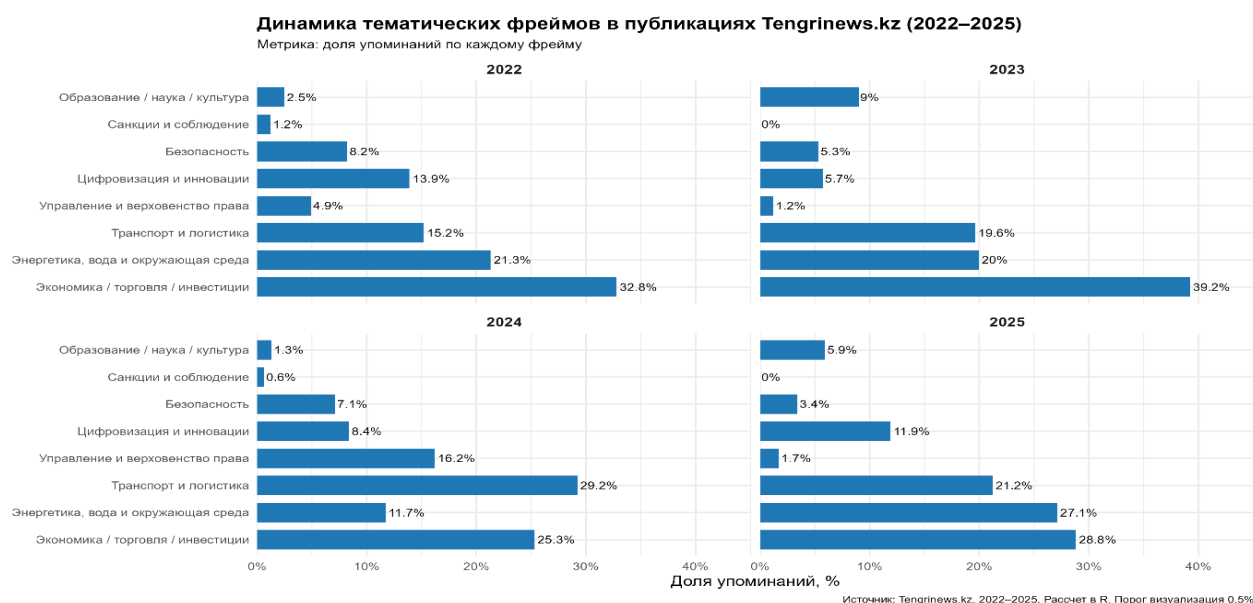
В целом образовательные и культурные инициативы остаются востребованным направлением европейской политики в Центральной Азии (Peugouse, 2023). Ключевое ограничение – низкая медийная видимость программ, из-за чего позитивный стереотип Европы не превращается в осознанное знание о конкретных инициативах.

Именно поэтому для понимания реального масштаба и характера влияния ЕС необходимо обратиться к медиадискурсу Центральной Азии, который выступает ключевым каналом репрезентации внешних акторов. Анализ материалов СМИ позволяет выявить, каким образом Европейский союз представлен в публичном поле региона, какие образы и нарративы закрепляются за ним и насколько они соответствуют официальным целям и практикам политики ЕС.

Медиаобраз ЕС в Центральной Азии: анализ материалов ведущих СМИ (2022–2025)

В анализ вошли публикации четырёх новостных порталов региона: Tengrinews.kz (Казахстан), 24.kg (Киргизстан), Kun.uz (Узбекистан) и Asia-Plus.tj (Таджикистан). Эти площадки устойчиво входят в число самых посещаемых в своих странах и формируют значимую часть новостной повестки. В выборку вошли публикации за 2022–2025 годы.

Тексты классифицированы по следующим тематическим фреймам: экономика/торговля/инвестиции; энергетика, вода и окружающая среда; транспорт и логистика; управление и верховенство права; цифровизация и инновации; безопасность; санкции и соблюдение; миграция и мобильность; образование, наука и культура. Для каждого года рассчитаны доли упоминаний по фреймам и проанализирована их динамика (см. Рисунки 2–5).

Источник: составлено авторами на основе медиаконтент-анализа.

Рисунок 2 – Динамика тематических фреймов в Tengrinews.kz (2022–2025 гг.)

Анализ публикаций Tengrinews.kz за 2022–2025 гг. показывает, что Европейский союз в медиадискурсе стабильно закрепляется как экономический и модернизационный партнёр Казахстана. Наибольший удельный вес имеет фрейм «Экономика / торговля / инвестиции»: от 32,8 % в 2022 г. и до пика в 39,2 % в 2023 г., с последующим снижением до 25–29 % в 2024–2025 гг. Это указывает на доминирование экономической тематики в восприятии ЕС (см. Рисунок 2). Второе направление – «Энергетика, вода и окружающая среда»: его доля колеблется от 11,7 % в 2024 г. до 27,1 % в 2025 г. Здесь фиксируется переход к акценту на зелёную энергетику, водородные проекты и климатическую повестку. «Транспорт и логистика» остаётся устойчивым компонентом (15–21 %), особенно в 2024–2025 гг., что соотносится с усилением дискуссий о «Среднем коридоре» и инфраструктурных инициативах в рамках Global Gateway. «Цифровизация и инновации» имеет меньшую, но стабильную долю (8–14 %), демонстрируя восприятие ЕС как источника технологий и цифровых решений. Темы «Управления и верховенства права» и «Безопасности» занимают от 5 до 16 %, усиливаясь в 2024 г., когда в повестку активнее вошли вопросы институциональных реформ и региональной стабильности. Хотя культурно-образовательный блок представлен менее заметно, он остаётся устойчивым элементом

благодаря Erasmus+ и Horizon Europe. В итоге казахстанский медиадискурс отражает ЕС как экономического и инфраструктурного партнера с дополнительными энергетическими, цифровыми и образовательными измерениями.

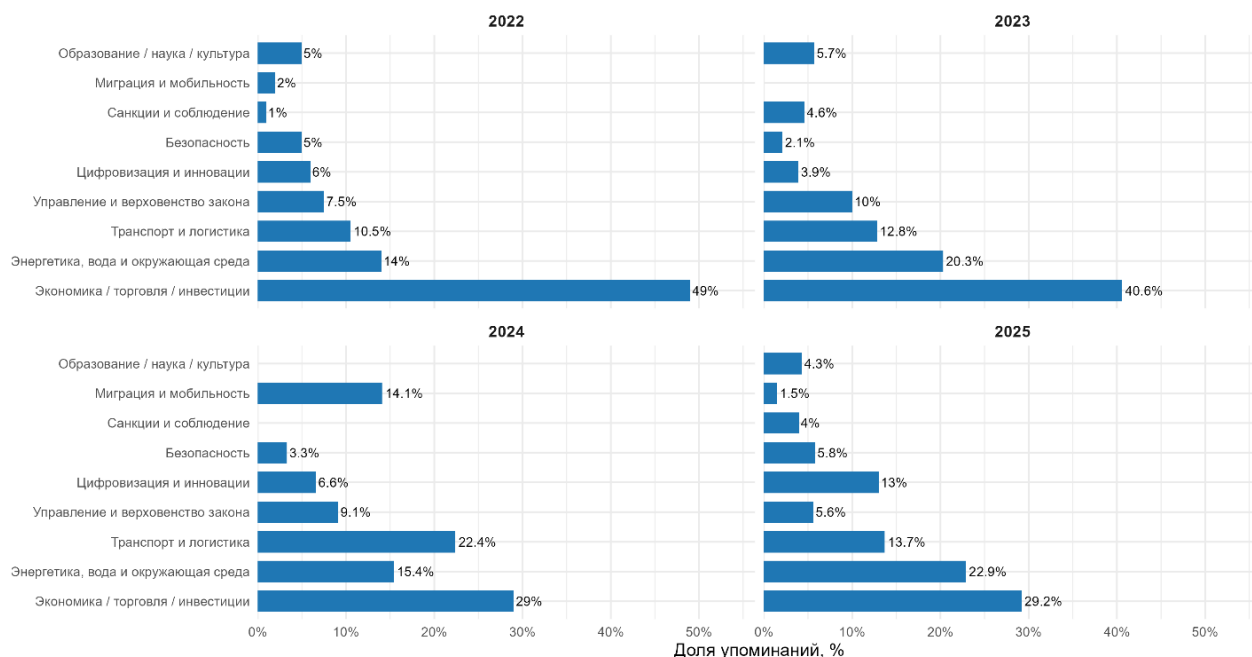
Анализ публикаций kun.uz за 2022–2025 гг. показывает, что в узбекском медиадискурсе Европейский союз преимущественно репрезентируется как ключевой экономический партнёр. Доминирующим остаётся фрейм «Экономика / торговля / инвестиции» (от 29 % в 2025 г. до 49 % в 2022 г.), что закрепляет за ЕС роль ведущего контрагента в сфере торговли и инвестиций (см. Рисунок 3).

Значимое место занимают также фреймы «Энергетика, вода и окружающая среда» и «Транспорт и логистика» (14–23 %), отражающие приоритет европейских инициатив в области зелёной энергетики, критического сырья и транспортной связанности региона.

Дополнительно присутствуют «Управление и верховенство закона» (5–10 %) и «Цифровизация и инновации» (6–13 %), которые фиксируют образ ЕС как источника институциональной модернизации и технологического обновления. Устойчиво заметен и культурно-образовательный вектор («Образование, наука и культура» на уровне 4–6 %), ассоциирующийся с академической мобильностью и научными проектами.

Динамика тематических фреймов в публикациях Kip.uz (2022–2025)

Метрика: доля упоминаний по каждому фрейму

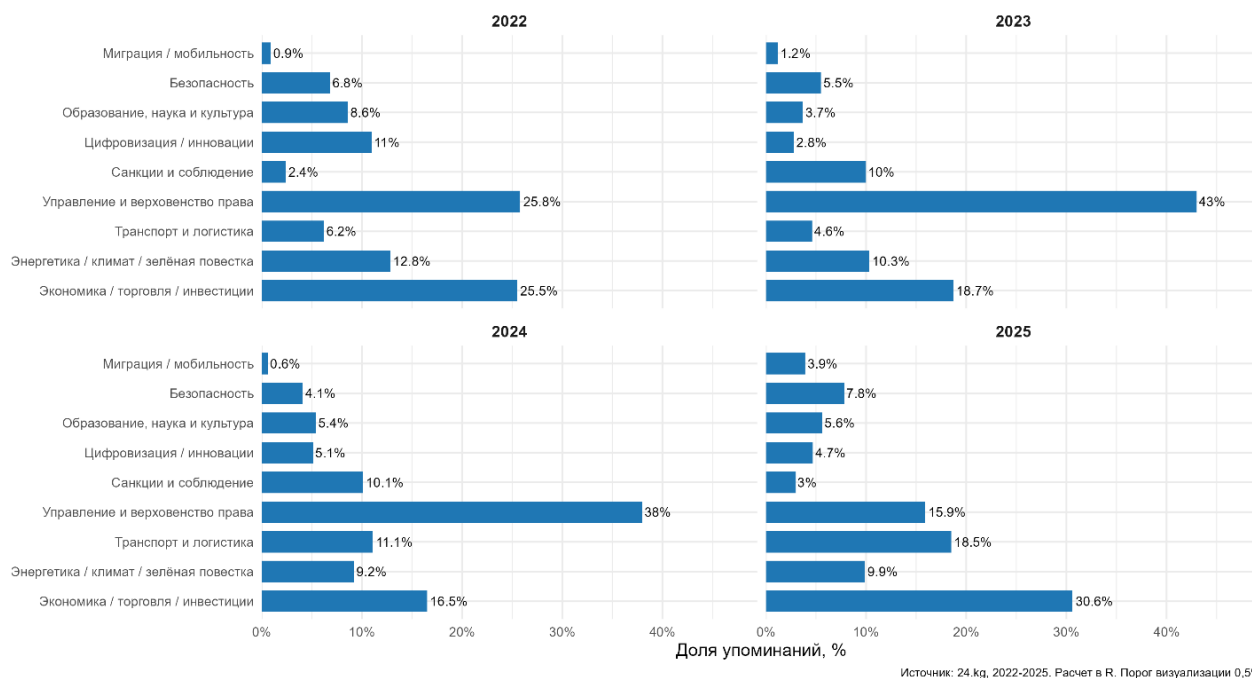

Источник: составлено автором на основе медиаконтент-анализа.

Рисунок 3 – Динамика тематических фреймов в kip.uz (2022–2025 гг.)

Динамика тематических фреймов в публикациях 24.kg (2022–2025)

Метрика: доля упоминаний по каждому фрейму

Источник: составлено авторами на основе медиаконтент-анализа.

Рисунок 4 – Динамика тематических фреймов в 24.kg (2022–2025 гг.)

Особенно показателен 2024 год, когда резко усилился миграционный дискурс, подчеркивая значимость мобильности рабочей силы. Следовательно, образ ЕС в узбекском медиапространстве формируется вокруг экономики и инфраструктуры, но дополняется институциональными, образовательными и миграционными аспектами.

Анализ публикаций информационного агентства 24.kg за 2022–2025 гг. демонстрирует, что образ Европейского союза в кыргызском медиадискурсе формируется прежде всего через экономическую и институциональную призму. Наиболее заметной остаётся категория «Экономика/торговля/инвестиции»: её доля колеблется от 16,5 % в 2024 г. до 30,6 % в 2025 г., что свидетельствует о закреплении за ЕС статуса ключевого партнёра в торгово-инвестиционной сфере (см. Рисунок 4).

При этом в 2023–2024 гг. резко усиливается дискурс «Управление и верховенство права» (от 25,8 % в 2022 г. до 43 % в 2023 г. и 38 % в 2024 г.). Этот тренд отражает устойчивое внимание Европейского союза к нормативным вопросам – демо-

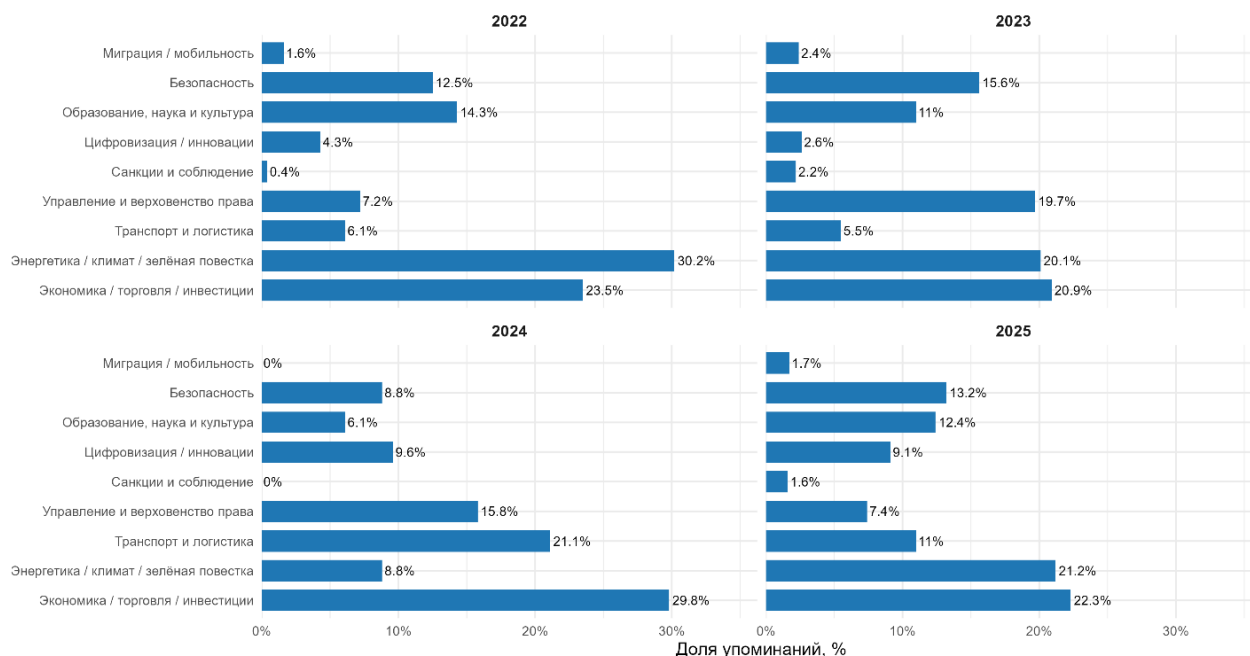
кратическим институтам, правам человека и верховенству закона, – что формирует восприятие ЕС как носителя ценностной повестки.

Фрейм «Энергетика/климат/зелёная повестка» сохраняет стабильное присутствие (9–13 %), фиксируя интерес к возобновляемым источникам энергии и климатической повестке, включая проекты в области гидроэнергетики. Дополняют картину второстепенные, но устойчивые направления: «Образование, наука и культура» (около 5–9 %) и «Цифровизация/инновации» (4–11 %), конструирующие образ ЕС как партнёра в модернизационно-технологической и культурно-образовательной сферах.

Таким образом, медиадискурс 24.kg производит многослойное восприятие Европейского союза. Экономический аспект сохраняет приоритетное значение, однако институционально-нормативная компонента, особенно выраженная в 2023–2024 гг., приобретает ключевую роль в формировании образа ЕС. Культурно-образовательные и технологические измерения, оставаясь на втором плане, придают европейской репрезентации устойчивость и многомерность.

Динамика тематических фреймов в публикациях asiaplus.tj (2022–2025)

Метрика: доля упоминаний по каждому фрейму

Источник: asiaplus.tj, 2022–2025. Расчет в R. Порог визуализации 0,5%.

Источник: составлено авторами на основе медиаконтент-анализа.

Рисунок 5 – Динамика тематических фреймов в Asia-Plus.tj (2022–2025 гг.)

Анализ публикаций *asiaplus.tj* за 2022–2025 гг. демонстрирует, что Европейский союз в таджикском медиадискурсе представлен как многопрофильный партнёр, сочетающий экономическое, инфраструктурное и ценностное измерения. Ключевым остаётся фрейм «Экономика / торговля / инвестиции», доля которого колеблется от 20,9 % в 2023 г. до 29,8 % в 2024 г., что отражает устойчивое восприятие ЕС в качестве ведущего экономического контрагента (см. Рисунок 5). Существенное значение имеет также фрейм «Энергетика / климат / зелёная повестка», достигший максимума в 2022 г. (30,2 %) и вновь вышедший на высокий уровень в 2025 г. (21,2 %) после временного снижения в 2024 г. (8,8 %). Фрейм «Транспорт и логистика» демонстрирует заметный рост в 2024 г. (21,1 %), что соотносится с акцентом на развитие региональной связанности и обсуждением инициатив в рамках Global Gateway и Транскаспийского маршрута. «Управление и верховенство права» выделяется в 2023 г. (19,7 %), что связано с правозащитной повесткой и переговорами о Соглашении о расширенном партнёрстве (EPCA). Тематика «Безопасности» варьируется от 8,8 % в 2024 г. до 15,6 % в 2023 г., что указывает на актуализацию вопросов Афганистана и участие ЕС в региональных программах приграничного сотрудничества (CADAP, BOMCA). Фрейм «Образование, наука и культура» устойчиво присутствует во все годы (6,1–14,3 %), главным образом в связи с академической мобильностью (Erasmus+) и исследовательскими инициативами (Horizon Europe). Напротив, «Цифровизация / инновации» играют второстепенную роль, оставаясь в диапазоне 2,6–9,6 %, тогда как фреймы «Санкции и соблюдение» и «Миграция / мобильность» упоминаются эпизодически, не превышая 2–2,4 %.

Таким образом, медиадискурс *asiaplus.tj* формирует образ Европейского союза, в котором приоритетное значение имеют экономические и энергетические сюжеты, дополненные вопросами транспортной связанности, верховенства права и безопасности, тогда как культурно-образовательные и инновационные аспекты выступа-

ют в качестве устойчивых, но менее акцентированных направлений взаимодействия.

Заключение

Анализ стратегических документов ЕС (2019–2025 гг.) и медиадискурса ведущих центральноазиатских изданий подтвердил гипотезу о трёх переменных европейской политики в регионе. После 2022 года определяющее значение приобрели экономические и санкционно-регуляторные измерения: внимание было сосредоточено на развитии транспортной инфраструктуры, энергетической диверсификации, доступе к критически важным ресурсам и контроле за обходом санкций. Эти направления формируют прагматичный и одновременно контрольный характер политики ЕС, в то время как мягкая сила сохраняет второстепенную роль.

Культурно-образовательные инициативы, включая Erasmus+ и Horizon Europe, укрепляют позитивное восприятие ЕС и способствуют развитию человеческого капитала, однако их влияние ограничивается поверхностным знанием и слабой конвертацией в политическую лояльность, усугубляемыми конкуренцией со стороны России и Китая и социальным консерватизмом региона. Мягкая сила ЕС выступает не инструментом непосредственного политического влияния, а кумулятивным ресурсом, основанным на образовательных и культурных обменах. Ее уязвимость перед внешней конкуренцией подчёркивает главную задачу Союза – трансформировать символический и социальный капитал в устойчивый фактор политического присутствия, обеспечивая согласованность между ценностной риторикой и практическими интересами.

Данная исследовательская работа финансировалась Комитетом по науке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках проекта AP26100745 «Мягкая сила» как инструмент реализации внешней политики ведущих центров мира (США, Россия, ЕС, Китай, Иран и Турция) в странах Центральной Азии

Литература

- Ahrens, B. (2018). Normative power Europe in crisis? Understanding the productive role of ambiguity for the EU's transformative agenda. *Asia Europe Journal*, 16(2), 199–212. <https://doi.org/10.1007/s10308-018-0507-6>
- Akorda. (2025, April 4). Касым-Жомарт Токаев выступил на саммите «Центральная Азия – Европейский Союз» в Самарканде. <https://www.akorda.kz/ru/kasym-zhomart-tokaev-vystupil-na-sammite-centralnaya-aziya-evropeyskiy-soyuz-v-samarkande-435534>
- Arynov, Z. (2022). Hardly visible, highly admired? Youth perceptions of the EU in Kazakhstan. *Journal of Eurasian Studies*, 13(1), 42–55. <https://doi.org/10.1177/18793665211070348>
- Asia-Plus. (2024, November 12). EU assistance to Tajikistan will not decrease, says EU Ambassador to Tajikistan. <https://asiaplustj.info/en/node/347042>
- Council of the European Union. (2025, April 4). *Joint declaration following the first European Union–Central Asia summit, Samarkand, Uzbekistan*. <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-7745-2025-REV-1/en/pdf>
- Economist.kg. (2024, November 4). Евросоюз выделил КР второй транш в €7 млн на поддержку образования. <https://economist.kg/dengi/2024/11/04/ievrosoiuz-vydelil-kr-vtoroi-transh-v-eu7-mln-na-poddierzhku-obrazovaniia/>
- European Commission, & High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. (2019). *Joint communication to the European Parliament and the Council: The EU and Central Asia: New opportunities for a stronger partnership*. https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/joint_communication_the_eu_and_central_asia_-_new_opportunities_for_a_stronger_partnership.pdf
- European External Action Service. (2016). *Shared vision, common action: A stronger Europe. A global strategy for the European Union's foreign and security policy*. https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eugs_review_web_0.pdf
- European External Action Service. (2025). *EU–Central Asia relations* [Factsheet]. https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/documents/2025/FACTSHEETS-EU-CENTRAL%20ASIA_2025.pdf
- European Parliamentary Research Service. (2024). *The EU strategy on Central Asia: Towards a new momentum?* European Parliament. [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2024/762300/EPRS_BRI\(2024\)762300_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2024/762300/EPRS_BRI(2024)762300_EN.pdf)
- Heathershaw, J., Owen, C., & Cooley, A. (2019). Centred discourse, decentred practice: The relational production of Russian and Chinese 'rising' power in Central Asia. *Third World Quarterly*, 40(8), 1440–1458. <https://doi.org/10.1080/01436597.2019.1593483>
- Laruelle, M., & McGlinchey, E. (2017, October 27). *Renewing EU and US soft power in Central Asia* (EUCAM Commentary No. 28). EUCAM. <https://eucentralasia.eu/renewing-eu-and-us-soft-power-in-central-asia-3/>
- Manners, I. (2002). Normative power Europe: A contradiction in terms? *Journal of Common Market Studies*, 40(2), 235–258. <https://doi.org/10.1111/1468-5965.00353>
- Matveeva, A. (2023, April). *EU–Central Asia relations: A new opening amid geopolitical shifts*. Carnegie Endowment for International Peace. <https://carnegieendowment.org/research/2023/04/a-new-opening-for-eu-central-asia-relations?lang=en>
- Peyrouse, S. (2014). *How does Central Asia view the EU?* (EUCAM Working Paper No. 18). EUCAM. <https://www.files.ethz.ch/isn/180819/EUCAM-WP18-How-does-Central-Asia-view-the-EU.pdf>
- Peyrouse, S. (2023). *Reconsidering EU education assistance to Central Asia*. EUCAM. <https://eucentralasia.eu/reconsidering-eu-education-assistance-to-central-asia/>
- Spaiser, O. A. (2018). *The European Union's influence in Central Asia: Geopolitical challenges and responses*. Lexington Books.
- Erasmus Uzbekistan. (2025). *Erasmus+ activities (Erasmus+ Brief) in Uzbekistan – 2025 updates*. <https://erasmus.uz/en/publications/590-erasmus-activities-erasmus-brief-in-uzbekistan-2025-updates>
- Чеботарёв, А., & Губайдуллина, М. (2013). Стратегия Европейского Союза в Центральной Азии на 2007–2013 гг.: предварительные итоги. Алматы: Центр актуальных исследований «Альтернатива»; Центр Германских исследований КазНУ; Фонд им. Ф. Эберта.

References

- Ahrens, B. (2018). Normative power Europe in crisis? Understanding the productive role of ambiguity for the EU's transformative agenda. *Asia Europe Journal*, 16(2), 199–212. <https://doi.org/10.1007/s10308-018-0507-6>
- Akorda. (2025, April 4). Kasym-Zhomart Tokayev vystupil na sammite “Tsentral’naya Aziya – Evropeyskiy Soyuz” v Samarkande [Kasym-Zhomart Tokayev spoke at the “Central Asia – European Union” summit in Samarkand]. <https://www.akorda.kz/ru/kasym-zhomart-tokaev-vystupil-na-sammite-centralnaya-aziya-evropeyskiy-soyuz-v-samarkande-435534>
- Arynov, Z. (2022). Hardly visible, highly admired? Youth perceptions of the EU in Kazakhstan. *Journal of Eurasian Studies*, 13(1), 42–55. <https://doi.org/10.1177/18793665211070348>
- Asia-Plus. (2024, November 12). EU assistance to Tajikistan will not decrease, says EU Ambassador to Tajikistan. <https://asiaplustj.info/en/node/347042>
- Chebotařov, A., & Gubaidullina, M. (2013). Strategiya Evropeyskogo Soyuz v Tsentral’noy Azii na 2007–2013 gg.: predvaritel’nye itogi [The European Union’s strategy in Central Asia for 2007–2013: Preliminary results]. Almaty: Tsentr aktual’nykh issledovaniĭ «Alternativa»; Tsentr Germanskikh issledovaniĭ KazNU; Fond im. F. Eberta.
- Council of the European Union. (2025, April 4). *Joint declaration following the first European Union–Central Asia summit, Samarkand, Uzbekistan*. <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-7745-2025-REV-1/en/pdf>

Economist.kg. (2024, November 4). Evrosoyuz vydelil KR vtoroy tranch v €7 mln na podderzhku obrazovaniya [The European Union allocated a second tranche of €7 million to support education in the Kyrgyz Republic]. <https://economist.kg/dengi/2024/11/04/ievrosoiuz-vydelil-kr-vtoroi-tranch-v-eu7-mln-na-poddierzhku-obrazovaniia/>

European Commission, & High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. (2019). *Joint communication to the European Parliament and the Council: The EU and Central Asia: New opportunities for a stronger partnership*. https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/joint_communication_-_the_eu_and_central_asia_new_opportunities_for_a_stronger_partnership.pdf

European External Action Service. (2016). *Shared vision, common action: A stronger Europe. A global strategy for the European Union's foreign and security policy*. https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eugs_review_web_0.pdf

European External Action Service. (2025). *EU–Central Asia relations* [Factsheet]. https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/documents/2025/FACTSHEETS-EU-CENTRAL%20ASIA_2025.pdf

European Parliamentary Research Service. (2024). *The EU strategy on Central Asia: Towards a new momentum?* European Parliament. [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2024/762300/EPRS_BRI\(2024\)762300_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2024/762300/EPRS_BRI(2024)762300_EN.pdf)

Heathershaw, J., Owen, C., & Cooley, A. (2019). Centred discourse, decentred practice: The relational production of Russian and Chinese ‘rising’ power in Central Asia. *Third World Quarterly*, 40(8), 1440–1458. <https://doi.org/10.1080/01436597.2019.1593483>

Laruelle, M., & McGlinchey, E. (2017, October 27). *Renewing EU and US soft power in Central Asia* (EUCAM Commentary No. 28). EUCAM. <https://eucentralasia.eu/renewing-eu-and-us-soft-power-in-central-asia-3/>

Manners, I. (2002). Normative power Europe: A contradiction in terms? *Journal of Common Market Studies*, 40(2), 235–258. <https://doi.org/10.1111/1468-5965.00353>

Matveeva, A. (2023, April). *EU–Central Asia relations: A new opening amid geopolitical shifts*. Carnegie Endowment for International Peace. <https://carnegieendowment.org/research/2023/04/a-new-opening-for-eu-central-asia-relations?lang=en>

Peyrouse, S. (2014). *How does Central Asia view the EU?* (EUCAM Working Paper No. 18). EUCAM. <https://www.files.ethz.ch/isn/180819/EUCAM-WP18-How-does-Central-Asia-view-the-EU.pdf>

Peyrouse, S. (2023). *Reconsidering EU education assistance to Central Asia*. EUCAM. <https://eucentralasia.eu/reconsidering-eu-education-assistance-to-central-asia/>

Spaiser, O. A. (2018). *The European Union's influence in Central Asia: Geopolitical challenges and responses*. Lexington Books.

Erasmus Uzbekistan. (2025). *Erasmus+ activities (Erasmus+ Brief) in Uzbekistan – 2025 updates*. <https://erasmus.uz/en/publications/590-erasmus-activities-erasmus-brief-in-uzbekistan-2025-updates>

Сведения об авторах:

Кузембаева Асия Булатовна (автор-корреспондент) – к. и. н., ассоциированный профессор Школы права и государственного управления Университета Нархоз (Алматы, Казахстан, e-mail: assiya.kuzembayeva@narxoz.kz);

Узакбаев Нурлан Танатарович – магистр международных отношений, ассистент профессор Школы права и государственного управления Университета Нархоз (Алматы, Казахстан, e-mail: nurlan.uzakbayev@narxoz.kz).

Information about the authors:

Kuzembayeva Assiya Bulatovna (corresponding author) – candidate of historical sciences, associate professor of the School of Law and Public Policy of Narxoz University (Almaty, Kazakhstan, email: assiya.kuzembayeva@narxoz.kz).

Uzakbayev Nurlan Tanatarovich – master of international relations, assistant professor of the School of Law and Public Policy of Narxoz University (Almaty, Kazakhstan, nurlan.uzakbayev@narxoz.kz).

Авторлар туралы мәлімет:

Кузембаева Әсия Булатқызы (корреспондент-автор) – т.ғ.к., Нархоз университетінің Құқық және мемлекеттік басқару мектебінің қауымдастырылған профессоры (Алматы, Қазақстан, email: assiya.kuzembayeva@narxoz.kz).

Ұзақбаев Нұрлан Таңатарұлы – халықаралық қатынастар магистрі, Нархоз университетінің Құқық және мемлекеттік басқару мектебінің ассистент профессоры (Алматы, Қазақстан, nurlan.uzakbayev@narxoz.kz).

Поступила 28 июля 2025 г.
Принята 9 сентября 2025 г.